

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ В ИЗГНАНИИ

Георгий Владимов, автор «Большой руды», «Трех минут молчания», «Верного Руслана», впервые посетил нашу страну (точнее Ленинград) после семи лет вынужденной эмиграции. Он прибыл сюда как иностранец вместе с другими «иностранцами» Марией Розановой и Андреем Синявским, которых их советский коллега Андрей Битов пригласил — наряду с иностранцами без кавычек — для участия в заседаниях общества европейских интеллектуалов под названием «Гулливвер». Это общество образовано три года назад, и на прошлой встрече, заметил Андрей Битов, нам приходилось протестовать против отсутствия одного из «Гулливверов» — Вацлава Гавела. Теперь вы сами понимаете, почему его нет на этом заседании. Зато сейчас мы были на краю непростой возможности начать собрание «Гулливвера» в Ленинграде с протеста против отсутствия Владимова, Синявского, Розановой.

Но обошлось.

На встрече с Георгием Владимовым, продолжавшейся при напряженном внимании зала больше двух часов, вопросы к писателю касались, как водится, не только литературы. Люди хотели знать, что думает Владимов о перспективах гласности и перестройки, о состоянии Ленинграда, объединении Германии и даже об избрании Собчака председателем Ленсовета. Публикуя его ответы в суммированном виде, попытаемся расширить читательскую аудиторию Георгия Владимова.

О СЕБЕ

В 1983 году Кельнский университет пригласил меня на год прочитать цикл лекций о русской советской прозе. Я выехал 26 мая, а 1 июля последовал Указ за подписью Андропова о лишении меня гражданства за враждебную деятельность, порочащую высокое звание советского гражданина. После этого я принял предложение издательства «Посев» редактировать журнал «Грани». Работал год, выпустил 10 номеров, но потом ушел, так как не поладил с НТС, которому принадлежит журнал. Сейчас выступаю на радио «Свобода», иногда — по «Немецкой волне», печатаюсь в журналах «Русская мысль» и «Континент». Заканчиваю роман «Генерал и его армия», который будет опубликован в журнале «Знамя».

Живу я в маленьком городке Нидерхаузен, в 15 километрах от Висбадена: места, описанные Достоевским очень точно, кстати.

Легче ли работать за границей? В чем-то легче. Не нужно все время перепрыгивать рукописи, как мне приходилось это делать в Москве. Благоустроенный быт, спокойная, размеренная жизнь, но исчезают какие-то раздражители, которые заставляют писать. Слишком много свободы, делай, что хочешь. Я считаю, что у свободы есть свое бремя. Чтобы писать, нужно вариться в людском котле и толкаться об его стенки. И никогда не будет рядом Твардовского, который бы сказал: «Ну, это Детгиз. Несерьезная литература».

Войнович как-то признался, что первые три года в эмиграции ничего не писал. Эмиграция — такой шок страшный, когда ты прощаешься и думаешь: где же я? как я мог здесь оказаться? и почему? Пока к этому привыкнешь, пока привыкнешь к эмигрантским снам с сюжетами на темы московских улиц, знакомых лестниц, знакомых дверей...

«НОВЫЙ МИР». ТВАРДОВСКИЙ

Я поступил в «Новый мир», когда его редактором был еще Константин Симонов. Через полтора года пришел Александр Трифонович, у которого я тоже проработал полтора года редактором отдела прозы. Редактировал роман Дудинцева «Не хлебом единым». Но когда начался «Новый мир» Твардовского, я решил уйти. Я понял, что открывается такой этап в литературе, который я могу пропустить. Через год примерно я принес Твардовскому повесть «Большая руда». Она была напечатана, хотя не очень ему понравилась, Твардовский считал, что повесть написана в манере жесткой американской прозы. Гораздо теплее он отнесся к роману «Три минуты молчания», правда, заметил, что вести роман от первого лица — не в русской традиции.

Это был беспощадный человек, беспощадный редактор. Он мог с радостью опубликовать одну вашу вещь и не пустить другую. Так он отверг мой рассказ «Генерал и его армия» (сказал, что он поверхностный), на основе которого я сделал потом роман.

Симонов и Твардовский — два редакторских стиля. Первый любил придумывать за автора повороты сюжетов, героев, давал много советов, чего всегда избегал Твардовский. Он полагал, что о своем произведении автор знает в тысячу раз больше, чем все мы, вместе взятые. Я предпочитаю второй стиль.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА». ПИСАТЕЛИ-ПАТРИОТЫ

Автор записки взял слова «литературная борьба» в кавычки и правильно сделал. У нас эта борьба ведется, к сожалению, не литературными средствами. Взять хотя бы историю с редактором «Октябрь» Аваньева, которого хотели снять, приписав ему то, чего в журнале не было. Дело доходит до антисемитизма, чего слишком живо напоминает конец 40-х годов.

Что касается патриотов, вы, наверное, слышали, как провалилась поездка семерых писателей во главе с Куняевым по городам и весям Соединенных Штатов. Американская пресса назвала их шовинистами, антисемитами, антидемократами, и все выступления семерых в Америке превратились в клятвенные речи, что они не шовинисты, не антисемиты, а доказательства были обычные: у нас есть знакомые евреи, и мы с ними очень дружим. Посла США в СССР Мэтлока, пригласившего этих литераторов в Америку, упрекали, что он зря потратил 60 тысяч долларов, которые можно было бы израсходовать на более благородные цели. В довершение всего разразился скандал, когда американские индейцы не пожелали пустить наших авторов в свою резервацию.

Встреча Георгия Владимова с ленинградскими читателями

Я вообще не понимаю, что это за звание такое: писатель-патриот. Прямо как писатель-лауреат. Если ты свою страну не любишь, ты не можешь быть писателем.

ДИССИДЕНТЫ И НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ

Верно ли, что начало перестройке положили диссиденты? Я сам был диссидентом, в 1977 году вышел из Союза писателей, возглавил московскую группу «Международной амнистии», мне было бы лестно считать, что перестройка пошла от нас. Но было не совсем так. Существовал все же «Новый мир», был Дудинцев, был Виктор Некрасов. Два процесса развивались отдельно, но помогли достичь общей цели. Ведь и «Верного Руслана» можно отнести к диссидентству. Но мне хочется думать, что это все-таки литература.

АВАНГАРД. ЗАПАДНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ

К западному авангарду, как и ко всякому, я отношусь с большим подозрением. Я старомоден, я из школы «Нового мира». Как-то мне на глаза попался сборник «Зеркала». Читатель я волевой (а литература рассчитана на безвольного читателя), все дочитываю до конца. И вот дочитал я сборник до конца и просто не понял, о чем идет речь.

Западные пристрастия у меня были: Хемингуэй, Сэллинджер. В последние годы весь мой интерес все больше и больше сосредоточивается на русской литературе XIX и XX веков, в первую очередь на Льве Толстом.

Не могу не сказать о прекрасном писателе и замечательном человеке Генрихе Бёлле, который очень много сделал в мою защиту. Он многих защищал, даже террористов. Потому что всегда был на стороне гонимого, а не преследователя.

С Бёллем я познакомился в Москве у Василия Аксенова, а в Германии у нас в обществе Льва Копелева состоялся любопытный разговор. На Западе тогда очень боялись советских танков, и Бёлле считал, что Европа настолько богата, обладает такими сокровищами культуры, что воевать на этих священных камнях нельзя и потому не следует сопротивляться русским автоматчикам. А что вы будете делать? — спросил я. Ничего, гулять, сидеть в кафе, пить пиво. А вы не забыли, напомнил я Бёллю, надпись на русских ларьках: «Пива нет»?

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ПРАВДА

Меня спрашивают об отношении к Бондареву, Быкову, Гроссману. Я полагаю, что речь идет о военной прозе. У каждого из этих писателей есть о войне прекрасные вещи. Мне кажется, наша литература свою задачу по отношению к Великой Отечественной войне выполнила. Она рассказала правду солдатскую, правду офицерскую и менее удачно, как мне кажется, правду генеральскую. Я решил присоединиться к этому ряду и написать об одном генерале, который взял плацдарм на правом берегу Днепра осенью 1943-го и чуть-чуть не взял Киев. Почему Киев достался другому генералу,

я и рассказываю в романе. Знатки, наверное, узнают контуры Киевской операции, хотя город у меня назван другим именем.

О ГЕРМАНИИ И НЕМЕЦКОМ ХАРАКТЕРЕ

Я думаю, что все мы, эмигранты четвертого поколения, даже Василий Аксенов, который пишет и читает лекции по-английски, остаемся русскими писателями в изгнании.

О немецкой жизни я не пишу, для этого нужно хорошо ее знать. Отдельных немцев изображаю, например, генерала Гудериана, с сыном которого, тоже генералом, я знаком.

Немцы — народ деловой, работающий, практичный. Холодноватый. Характер, как говорится, нордический. Вечером по ТВ начинается показ фильмов из немецкой жизни. Через пять минут герой вынимает пистолет, следует первый мордобой, и ты знаешь, что их будет несколько. Если считать, что искусство отражает жизнь, то такой жизни ты нигде не найдешь. Пистолет я видел только у полицейского. Если кто-то случайно прикоснется дверцей машины к другой машине, тут же последует тысяча извинений. Немцы необыкновенно вежливы и в той же степени спортивные. Когда они воссоединятся, это будет самая сильная европейская держава. Думаю, что мороз 1941-го на них очень подействовал, потому что они все время закаляются: зимой ходят без пальто, в маечках делают пробежки.

Я еще застал у немцев чувство раскаяния за Гитлера, за вторую мировую войну. Был свидетелем внимательного сочувствия к людям, которые по их вине пострадали. К самому себе, например, когда они узнавали, что мой отец пропал в концлагере в Германии, где он оказался после плена в 1941-м, в котле под Харьковом.

Сейчас появляется новое поколение, которое считает: а чего нам, собственно, раскаиваться? Ваш Сталин гораздо больше народу переколошматил, вот и раскаивайтесь, что так долго его терпели. Это, конечно, настоятельно. Немецкий народ слишком долго был обижен, слишком долго стена оскорбляла их национальное достоинство.

По одному из 19 телеканалов обязательно идет хроника о Гитлере. К неонацистам там относятся спокойно, они ведут себя прилично, стоят с плакатами и никого не трогают. К тому же их не больше 300 человек. Несколько больше настораживает наша «Память», потому что чувствуется: за нею кто-то стоит. За неонацистами не стоит никто.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Перед отлетом в Германию в 1983-м я выкроил несколько дней, чтобы попрощаться с городом, где я прожил десять лет, где прошла моя юность, где я начал печататься. Осмотрел Ленинград и нашел его в хорошем состоянии. Сейчас при виде всех разрушений мне становится грустно. Я походил по городу, потоптался в очередях и на вокзалах, увидел озабоченные лица, услышал довольно откровенные разговоры. Зрелище безрадостное. Я знаю другой мир, другой быт, другие города, где асфальт не проваливается, где все глазницы домов застеклены, царит порядок и очень яркие краски. И тем не менее я чувствую, что жизнь происходит все-таки здесь. Самое главное, что совершается в мире, совершается в России, в том числе в нашем с вами городе.

ГЛАСНОСТЬ И ПЕРЕСТРОЙКА

Гласность никогда не бывает полной. Это всегда процесс — дальше, дальше. Наверное, она всегда будет казаться неполной, чтобы мы этой полноты добивались. Владимир Максимов, например, считает, что задача его «Континента» исчерпана, что центр книгоиздания переместился в Россию. Я так не думаю. Потому что гласность, с другой стороны, такой процесс, который можно открыть, но можно и закрыть. Всякое может случиться.

Меня спрашивают: доживем ли мы до конца коммунистической системы? Может быть, мы уже дожили, может, она уже кончилась. А может быть, ее и не было? Все узнается потом. Вдруг оказалось, что не было никакого татарского ига.

А сейчас что-то предгрозовое чувствуется в воздухе. И слова Анатолия Стреляного о «последнем мирном лете 1989 года» могут стать пророческими. Потому что, как мне представляется, что-то главное все никак не может начаться. Как самолет, который бежит по взлетной полосе и не может оторваться и убрать шасси. Для такой огромной страны это положение чрезвычайно опасно. Принято говорить, что глаза боятся, а руки делают. Если бы руки делали, выход был бы найден.

ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ?

Я хотел бы вернуться. Но пока я с большим трудом вклинился в иностранную делегацию, и меня не вычеркнули из списка, наверное, потому, что было неудобно перед иностранцами. Когда я получал визу в советском посольстве, меня спросили: намерен ли я поднимать вопрос о возвращении гражданства? Я сказал, нас 24 человека таких лишенцев. Мы не просили, чтобы нас лишали гражданства. И не будем просить о его возвращении.

Как-то в «Московских новостях» мне попалась фраза о том, что можно отнять жизнь, но гражданство отнять нельзя. Возвращать его надо не потому, что ты талантливый писатель или бездарный, а потому, что это право тебе принадлежит от рождения.

Знаете, почему немцы Западной Германии сделали столицей не Кельн или Мюнхен, а маленький Бонн? Они верили: это временно, настоящей столицей будет Берлин. И тот городок, в котором я живу, тоже, думаю, дело временное. Потому что когда-нибудь моим местом жительства станет Москва. Если, конечно, указ о возврате гражданства будет выпущен при моей жизни.

Записала Ольга МАРТЫНЕНКО.
Фото П. МАРКИНА.

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для «МН»: Во Франции: «Медиа Мессаж». Париж. Тел. 1/43.55.00.22 В Италии: «Мондадори». Милан. Тел. 75.42.32.11 Факс: 75.42.32.74 Телекс: 32.04.57 МОНДМИ В ФРГ: Грунер-Яр. Гамбург. Тел. 040/41182940 040/41183168 Факс: 040/41182942

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Горького, 16/2
Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-47 и 202-85-52 (отдел писем), 209-05-60 (сектор рекламы).